

ДЖОН ГРИШЭМ

СЕРАЯ ГОРА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г85

Серия «Эксклюзив: лучшие детективы»

John Grisham
GRAY MOUNTAIN

Перевод с английского *Н. Рейн*

Серийное оформление и компьютерный дизайн Э. Кунтыш

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Gernert Company и Andrew Nurnberg.

Гришэм, Джон.

Г85 Серая гора : [роман] / Джон Гришэм ; [перевод с английского Н. Рейн]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 480 с. — (Эксклюзив: лучшие детективы).

ISBN 978-5-17-168819-6

Саманте Кофер казалось, что ей обеспечена блестящая карьера в солидной юридической фирме на Уолл-стрит. Однако когда разразился кризис, ее мгновенно уволили. И теперь единственное предложение о работе — это место юриста в затерянном в горах шахтерском городке Брэйди...

Решив сменить обстановку и отсидеться в провинции в нелегкие времена, Саманта была уверена, что на новом месте ее ждет смертельная скука, но все оказалось иначе.

Брэйди, как и любой маленький городок, скрывает немало опасных тайн, а местные жители готовы пойти на все, чтобы их сохранить.

И первое же серьезное дело Саманты подвергает опасности ее жизнь...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-168819-6

© Belfry Holdings, Inc., 2014
© Перевод. Н. Рейн, наследники,
2022
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2024

Памяти Рика Хембы
(1954—2013).
Прощай, Туз.

Глава 1

Весь ужас был в этом ожидании — терзали неизвестность, бессонница, язвенная болезнь. Сотрудники игнорировали друг друга и прятались за запертыми дверями. Секретари и юристы распространяли слухи и прятали глаза. Все были на пределе и задавались одним и тем же вопросом: «Кто следующий?» Партнеры, или большие боссы, замкнулись в своих раковинах и избегали общаться с подчиненными. Возможно, скоро они получат приказ отправить их всех на заклятие.

А слухи ходили самые невероятные. Десять коллег по судопроизводству утратили свои полномочия — это была правда лишь отчасти, на самом деле только семеро. Целиком закрыли подразделение по разделу имущества, с партнерами и прочим — чистая правда. Восемь партнеров по расследованию антимонопольной деятельности перебежали в другую фирму — вранье, по крайней мере на данный момент.

Словом, атмосфера настолько накалилась, что Саманта при каждом удобном случае выходила из здания и работала с ноутбуком, сидя в одном из многочисленных кафе Нижнего Манхэттена. А как-то раз выдался погожий денек и она сидела на скамейке в парке — через десять дней после падения «Леман бразерс»* —

* Инвестиционный банк, некогда один из самых надежных. Обанкротился в сентябре 2010 г., после чего паника перекинулась с Уолл-стрит на все торговые площадки мира. — *Здесь и далее примеч. пер.*

и смотрела на высокое здание по другую сторону улицы. Дом находился по адресу: 110, Брод-стрит, и все его верхние этажи арендовала самая большая в мире юридическая фирма под названием «Скалли энд Першинг». Пока что ее фирма, хотя теперь будущее весьма туманно. Штат насчитывал две тысячи юристов в двадцати странах, только в Нью-Йорке работала половина из них, и около тысячи специалистов размещались здесь, на этажах от тридцатого до шестьдесят пятого. Сколько из них вдруг захотят выброситься из окна? Оставалось только гадать, и подобные мысли приходили не ей одной. Крупнейшая в мире фирма погружалась в хаос вместе со своими конкурентами. Паника охватила не только этот оплот Закона с большой буквы, но и трастовые фонды, инвестиционные банки, обычные банки, страховые компании, Вашингтон, и на самом дне этой пищевой цепочки — торговцев на Мейн-стрит.

Десять дней прошло без кровопролития, и еще один — тоже. А на двенадцатый день вдруг появились проблески оптимизма. Бен, один из коллег Саманты, подхватил слух о том, будто кредитные рынки Лондона понемногу заработали. Так что заемщики могли найти и получить хоть какие-то наличные. Но позже, в этот же день, слух этот был решительно опровергнут: ничего подобного. И все они снова ждали.

Двое партнеров возглавляли в «Скалли энд Першинг» агентство недвижимости. Один был предпенсионного возраста, и его уже выперли. Второй, Энди Грабмен, был сорокалетней конторской крысой и сроду не переступал порога зала судебных заседаний. Как партнеру, ему полагался уютный офис с видом на Гудзон, правда, отдаленным, и он годами не замечал реку за стеклами окон. На полке за письменным столом, ровно посередине, размещалась его коллекция небоскребов в миниатюре. «Мои домики» — так он их называл. По завершении строительства очередного здания

он вызывал скульптора и просил сделать его точную уменьшенную копию, а затем щедро одаривал такими маленькими трофеями каждого из членов «своей команды». За три года работы в «С энд П» в коллекции Саманты накопилось уже шесть таких миниатюрных зданий, но теперь, пожалуй, на этом придется остановиться.

— Присаживайся, — скомандовал Энди и затворил дверь. Саманта уселась в кресло рядом с Беном, по другую руку от него разместилась Изабель. Все трое изучали свои ноги и ждали. Саманта ощущала непреодолимое желание схватить Бена за руку — так делает испуганный заключенный при виде расстрельной команды. Энди рухнул в свое кресло и, избегая смотреть им в глаза, но твердо вознамерившись дать оценку ситуации, принялся подводить итоги печальной ситуации, в которой они оказались.

— Как вам известно, две недели назад холдинг «Леман бразерс» приказал долго жить.

Да неужели, Энди? Финансовый и кредитный кризис поставил весь мир на грань катастрофы, и об этом знал каждый. Но, как опять же всем было известно, Энди никогда не отличался оригинальностью мышления.

— У нас в работе пять проектов, и все они финансировались «Леман». Я переговорил с владельцами, и все пятеро отказываются от поддержки проекта. У нас вырисовывались еще три, два с участием «Леман», и один — с «Ллойдом», ну и теперь все кредиты заморожены. Банкиры попрятались в бункеры, боятся одолжить и десять центов.

Да, Энди, представь себе, и это тоже мы знаем. Все на первых полосах газет. Давай заканчивай, и пошли выбрасываться из окон.

— Вчера заседал исполнительный комитет, принял решения по урезанию расходов. Будут уволены тридцать сотрудников-первогодков: кто-то сра-

зу, кому-то дают небольшую отсрочку. Все только что нанятые вылетают немедленно, автоматически. Все договоренности аннулируются. И, хотя мне нелегко об этом говорить, но все наше подразделение тоже входит в этот блок. Его урезают. Устраняют. Потому что никто не знает, когда владельцы снова начнут строительство. Если вообще начнут. А потому фирме нет смысла держать вас на зарплате, когда весь остальной мир жаждет кредитов. Черт, мы ввергаемся в великую депрессию. И это наверняка только первый этап сокращений. Простите, ребята, мне невероятно жаль.

Бен заговорил первым:

— Стало быть, мы вылетаем все и сразу?

— Нет. Я ведь боролся за вас, ребята, как же иначе. Поначалу они планировали сразу вручить каждому уведомление об увольнении. Не стану напоминать вам, что наше подразделение самое маленькое в фирме, а потому первым попадает под удар. Но я уговорил их предоставить вам неоплачиваемый отпуск. Уходите прямо сейчас, а потом вернетесь. Возможно.

— Возможно? — спросила Саманта.

Изабель украдкой смахнула слезинку, но в целом держалась неплохо.

— Да, понимаю, надеяться особенно не на что. Но ведь в мире сейчас все так неопределенно, согласна, Саманта? Что толку крутиться, гоняться за собственным хвостом? Занятие бесполезное. Через полгода все мы можем прийти на бесплатную раздачу супа. Видели старые снимки тысяча девятьсот двадцать девятого года?

— Да будет тебе, Энди, какой еще бесплатный суп? В качестве партнера в прошлом году ты заработал 2,8 миллиона долларов и занял в фирме «Скалли энд Першинг» четвертое место по этому показателю. Четвертое место — это, конечно, не бог весть что, во всяком случае, до того, пока не рухнул «Леман», не обанкротился и не лопнул, как воздушный пузырь,

«Беар Стернс»*. Но в нынешних обстоятельствах четвертое место выглядело очень и очень даже неплохо.

— А что значит неоплачиваемый отпуск? — спросил Бен.

— Сейчас объясню. Фирма не расторгает с тобой контракт на протяжении последующих двенадцати месяцев, но зарплату ты не получаешь.

— Мило, — пробормотала Изабель.

Энди не обратил внимания на эту ее ремарку и продолжил:

— Медицинская страховка сохраняется, но действует только при обращении к квалифицированному бесплатному специалисту. Кадровая служба уже составляет список подходящих вакансий. Вы уходите, трудитесь где-нибудь в благотворительной сфере, спасаете мир, живете надеждой, что экономика воспрянет из пепла, а потом через год или около того возвращаетесь в фирму и занимаете прежнюю должность. В наше агентство по недвижимости можете и не попасть, но фирма найдет вам место.

— Так нам гарантируется работа по окончании этого самого отпуска? — спросила Саманта.

— Нет, дорогая, ничего не гарантируется. Честно говоря, еще не нашлось такого умника, который мог бы предсказать, что ждет нас в будущем году. Предвыборная кампания в разгаре, Европа летит к чертям собачьим, китайцы взбесились, банки закрываются, рынки рушатся, никто ничего не строит и не покупает. Короче говоря, конец света.

Какое-то время они сидели в мрачном молчании, все четверо раздавленные реальной перспективой конца света. И вот наконец Бен спросил:

— И ты тоже, Энди?

* Один из крупнейших инвестиционных банков и игроков на финансовых рынках мира, обанкротился во время кризиса 2008 г.

— Нет, меня переводят в налоговую. Можете себе представить? Я ненавижу налоговые службы, но выбора нет — или идти в налоговую, или работать водителем такси. Но у меня степень магистра по налогам, наверное, поэтому меня решили пощадить.

— Мои поздравления, — пробормотал Бен.

— Мне очень жаль, ребята, правда.

— Да нет, я это искренне. Рад за тебя.

— Может, через месяц и оттуда вышибут. Кто его знает.

— И когда мы должны уйти? — спросила Изабель.

— Прямо сейчас. Процедура такова: надо подписать согласие на отпуск, собрать вещи, освободить столы и валить на улицу. Позже кадровики отправят всем по электронной почте список некоммерческих организаций и положенные документы. Мне действительно жаль, ребята.

— Пожалуйста, прекрати нести эту хрень, — сказала Саманта. — Ничем не можешь помочь, так лучше уж помолчи.

— Верно. Но могло быть куда как хуже. Ведь большинству таких же, как вы, сотрудников, никакого отпуска не предоставили. Просто уволили, и все.

— Извини, Энди, — сказала Саманта. — Но, знаешь ли, эмоции переполняют.

— Ничего, я понимаю. Ты имеешь полное право сердиться и огорчаться. Да стоит только посмотреть на вас! Это надо же! Все трое с юридическими дипломами «Лиги плюща», и вас выпроваживают из здания, как каких-то воришек. Вышибают на улицу, как простых работяг. Все это ужасно, просто ужасно. Кое-кто из партнеров даже предложил урезать свои зарплаты наполовину, чтобы избежать этого.

— Готов поспорить, таких было немного, — заметил Бен.

— Да, верно. Сколь ни прискорбно, совсем немного. Но решение уже было принято.

Женщина в черном костюме и черном галстуке стояла возле закутка, где Саманта делила «рабочее пространство» с тремя другими сотрудниками, в том числе — с Изабель. Бен работал в другом офисе, чуть дальше по коридору. При виде Саманты женщина попыталась изобразить улыбку и сказала:

— Я Кармен. Могу чем-то помочь? — В руках она держала пустую картонную коробку, без всяких надписей и наклеек, чтобы никто на свете не узнал, что коробка эта предназначена для вещей сотрудника «Скалли энд Першинг», которого отправили в неоплачиваемый отпуск, или попросту вышибли с работы.

— Нет, спасибо, — ответила Саманта и даже удивилась, как вежливо у нее это получилось. Она могла бы огрызнуться, ответить какой-нибудь грубостью, но ведь эта Кармен просто исполняла свои обязанности. И Саманта принялась выдвигать ящики стола и вынимать из них все личные вещи. В одном ящике хранились файлы по работе в «С энд П», и она спросила: — А с этим что делать?

— Они останутся здесь, — ответила Кармен, следя за каждым ее движением, словно Саманта могла стянуть какой-либо ценный предмет.

Но на самом деле все самое ценное хранилось в компьютерах — в стационарном, который стоял на столе, и в ноутбуке, который она повсюду носила с собой. Ноутбук тоже принадлежал «Скалли энд Першинг». Так что и его следовало оставить. Саманта могла бы скачать все данные на свой персональный компьютер, но знала — коды доступа уже поменяли.

Словно во сне она опустошила ящики стола, затем аккуратно сложила в коробку шесть миниатюрных небоскребов из своей коллекции, хоть и была мысль выбросить их в мусорную корзину. Остальные сотрудники — помощники, секретари, юристы — вдруг нашли себе какие-то важные занятия. Протокол усваивался быстро: если кто-то начинает ос-

вобождать стол, пусть себе уходит с миром. Никаких свидетелей, и глазеть тут не на что, и обниматься на прощание тоже совершенно незачем.

Глаза у Изабель были красные и припухшие, наверное, бегала в туалет выплакаться. Она прошептала ей на ухо:

— Позвони мне. Сегодня вечером не мешало бы выпить.

— Непременно, — ответила Саманта. Закончила запихивать вещи в коробку, портфель и вместительный дизайнерский рюкзак и, не оглядываясь, промаршировала вслед за Кармен к лифтам на сорок восьмом этаже.

Они стояли и ждали, и Саманта старалась не вертеть головой и не бросать прощальные взгляды вокруг. Двери открылись — к счастью, в лифте никого больше не было.

— Я помогу, возьму вот это. — Кармен указала на битком набитую коробку.

— Нет, — сказала Саманта и вошла в кабинку.

Кармен нажала нижнюю кнопку. «Почему это меня вот так выпроваживают из здания?» Чем дольше Саманта размышляла над этим, тем злее становилась. Ей хотелось плакать, хотелось убраться отсюда как можно скорее. Но больше всего хотелось позвонить маме. Лифт остановился на сорок третьем этаже, в кабину вошел прекрасно одетый молодой человек. В руках он держал в точности такую же картонную коробку, через плечо был перекинут широкий ремень сумки, под мышкой зажат кожаный портфель. И взгляд в точности такой же — в нем читались страх и смятение. Прежде Саманта видела его в лифте, но не знала, кто он такой и из какой фирмы. Сотрудники в костюмах фирмы «Маммут» носили бейджики с указанием имени на последней ужасной рождественской вечеринке. Следом за ним вошел охранник в черном костюме,

и все сразу стало на свои места.

Кармен снова нажала кнопку первого этажа. Лифт поехал вниз, Саманта уставилась в пол, вознамерившись молчать, даже если с ней кто-то заговорит. На тридцать девятом этаже лифт снова остановился, и в кабину, изучая свой мобильник, вошел мистер Кирк Найт собственной персоной. Двери закрылись, он осмотрелся, увидел две картонные коробки, приоткрыл рот и резко выпрямил спину. Найт был старшим партнером в фирме «Слияние и поглощение», а также являлся членом исполнительного комитета. Неожиданно оказавшись лицом к лицу с двумя своими жертвами, он сглотнул и рванулся к двери. Но затем вдруг нажал кнопку двадцать восьмого этажа.

Саманта была слишком подавлена, чтобы наброситься на него с оскорблениями. Мужчина в дорогом костюме стоял с закрытыми глазами. Лифт остановился, Найт пулей вылетел в коридор. Двери закрылись, и тут Саманта вспомнила, что фирма арендует этажи с тридцатого до шестьдесят пятого. Зачем понадобилось Найту выходить на двадцать восьмом? Впрочем, какая разница?

Кармен проводила ее через вестибюль к выходу на Брод-стрит. Робко пробормотала «мне очень жаль», но Саманта не ответила. Нагруженная, как мул, она зашагала по тротуару куда глаза глядят. Потом вдруг вспомнились снимки из газет — на них были запечатлены сотрудники «Леман» и «Беар Стернс», выбегающие из офисных зданий с картонными коробками с таким видом, точно там начался пожар и они спасались от верной гибели. На одном из снимков на первой полосе «Таймс» красовалась крупная темнокожая женщина, сотрудница «Леман», по ее щекам градом катились слезы, она стояла на тротуаре и выглядела такой несчастной и беспомощной.

Но все эти снимки уже не были актуальны, и Саманта камер поблизости не видела. На углу Брод- и Уолл-стрит она поставила коробку на асфальт и стала ловить такси.

Глава 2

Зайдя в свой шикарный лофт в Со-хо, обходившийся ей в две тысячи долларов в месяц, Саманта побросала все офисные принадлежности на пол и рухнула на диван. В руке она сжимала мобильник, но звонить никому не хотела. Потом она стала делать глубокие вдохи и выдохи с закрытыми глазами и понемногу успокоилась. Ей было необходимо услышать голос матери, обрести хоть какую-то поддержку, но нельзя допустить, чтобы мама услышала отчаяние и слабость в ее голосе.

Облегчение пришло лишь тогда, когда она вдруг осознала: теперь она освободилась наконец от работы, которую презирала. Сегодня в семь можно будет посмотреть какой-нибудь фильм по телевизору или поужинать с друзьями, а не корпеть весь вечер над бумагами, готовясь к очередному рабочему дню. А в воскресенье — уехать из города без всяких мыслей об Энди Грабмене и целой горе документов, которые следует подготовить к очередной решающей сделке. Ей наконец-то удалось освободиться от «Фирмфона», этого чудовищного маленького гаджета, крепившегося к ее телу на протяжении трех лет. И она чувствовала себя свободной и восхитительно легкой.

Страх был продиктован боязнью потерять доходы и мыслями о смене карьеры. Проработав три года, она зарабатывала 180 тысяч долларов в год — была базовая зарплата, к ней прибавлялись еще и весьма щедрые премиальные. Это были очень хорошие деньги, но жизнь в городе как-то умудрялась сжирать их. Половина отнималась в виде налогов. У нее имелся накопительный счет в банке, но откладывала она на него не слишком часто. Если тебе двадцать девять, ты одинока и свободна, живешь в городе, у тебя есть профессия и ты твердо знаешь, что на следующий

14 год твои доходы превысят нынешнюю зарпла-

ту плюс премии, то стоит ли беспокоиться о каких-то там накоплениях? У нее был друг по Колумбийскому университету, он проработал в «Скалли энд Першинг» пять лет, недавно стал младшим партнером и зарабатывает в этом году полмиллиона долларов. И Саманта должна была пойти той же дорожкой.

Но у нее имелись и другие друзья — те, кому удалось вырваться из этого порочного круга через двенадцать месяцев, счастливо распрощаться с ужасным миром Большого Закона. Один теперь работал инструктором-горнолыжником в Вермонте. До этого он трудился редактором в «Коламбия ло ревью», затем — в «С энд П», ушел оттуда и теперь жил в хижине у ручья и редко отвечал на телефонные звонки. За какие-то тринадцать месяцев пребывания в фирме он превратился из амбициозного молодого сотрудника в почти невменяемого недоумка, спавшего за письменным столом. Успел вовремя уволиться и уехать из города. Саманта часто о нем вспоминала, обычно с некоторым оттенком зависти.

Облегчение, страх и унижение. Ее родители оплатили довольно дорогое подготовительное обучение в одной из престижных школ округа Колумбия. Затем она с отличием окончила университет в Джорджтауне и получила диплом в области политических наук. Потом безо всяких усилий поступила в юридический колледж, который тоже окончила с отличием. И тут же, после того как она прошла стажировку секретарем в федеральном суде, не меньше дюжины крупных фирм предложили ей работу. Словом, первые двадцать девять лет жизни ей сопутствовал почти оглушительный успех, поражений она не знала. То, что ее вышибли с треском и столь бесцеремонно, ужасно угнетало. А то, как ее выводили из здания под присмотром, казалось оскорбительным. Это была не какая-то мелкая шишка, которую можно набить за время в целом успешной карьеры.